

ПРОБЛЕМА ИДЕАЛЬНОГО ОБРАЗА В СОВРЕМЕННОЙ ОНТОПСИХОЛОГИИ

159.9:37.02

В. Н. Александровская

Проблема идеального образа является одним из наиболее актуальных направлений в междисциплинарном исследовании идеального. Впервые вопрос об идеальном был поставлен более трех тысяч лет назад греческим философом Платоном (эйдос, идеи, идеальное). Однажды возникнув, идеальное рассматривалось на протяжении всего этого времени в истории мировой философии самыми разными философами и в самых разных странах. В развитии этой идеи известна линия Демокрита – Спинозы – Дидро – Фейербаха; проблематику идеального разрабатывали французские материалисты (Кабанис, Ламетри), вульгарный материализм (Бюхнер, Фогт, Мелешотт), философский эмпиризм (Локк, Беркли, Юм) и др. К современным исследователям проблемы принадлежат: Э. В. Ильенков, Д. И. Дубровский, М. А. Лифшиц, Л. А. Абрамян, Е. Г. Классен, А. В. Соколов, В. С. Тюхтин, А. Д. Майданский, И. С. Нарский, С. М. Найденкова, В. В. Бычкова, А. Н. Лосев и др.

Данная тема тесно связана с исследованиями физиологов и психологов М. И. Сеченова, И. П. Павлова, М. Г. Ярошевского, Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурня, А. В. Запорожец, С. Д. Смирнов и др.

В настоящее время в современной философии, социологии и психологии проблема идеального образа развивается рядом авторов: Г. Н. Дреп, В. В. Орлов, Д. В. Пивоваров, К. М. Любутин, В. С. Барулин, Т. С. Васильева, А. Н. Кобло, Н. Б. Окунская, А. В. Ласточкин, О. А. Барт, И. С. Утробина и др.

Быстро развивается прикладной аспект проблемы идеального образа, особенно в имиджелогии. Среди западных исследователей особое место занимает онтопсихологическое направление итальянского ученого А. Манегетти.

В связи с этим цель нашего исследования – в общих чертах показать суть онтопсихологического направления в мировой психологии. Задача работы – раскрыть прикладной аспект идеального образа.

Всемирно известный психолог – психотерапевт, философ, теолог, выдающийся музыкант и художник, успешный бизнесмен и политик – профессор Антонио Манегетти является родоначальником онтопсихологического направления в мировой психологии и психотерапии.

А. Манегетти ведет фундаментальные исследования в области идеальных образов (сновидений, фантазий, галлюцинаций, кинематографических, художественных, литературных и других образов). На этом материале он раскрывает один из наиболее важных путей экспериментального анализа человеческого поведения, его бессознательного, а также всего, что можно отнести к области соматического. А. Манегетти считает, что “кто познал образ, тот познал себя”. Метод интерпретаций образов у него основан на материалах многолетней клинической научно-практической деятельности и базируется на философских концепциях Парменида, Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, а также на психологических направлениях – психоанализе З. Фрейда, А. Адлера, аналитической психологии К. Юнга, гуманистической психологии А. Маслоу, Р. Мэя и К. Роджерса.

Онтопсихология в разработке А. Манегетти занимается исследованием одной из важнейших проблем – причинности психической деятельности человека. Для него сновидения, фантазии, галлюцинации – это формы онейрических сообщений, абсолютно естественный язык человеческой коммуникации. Научные критики пишут о том, что, “открыв доступ к смыслу онейрических сообщений, автор смог вывести анализ сновидений на уровень их рационального использования для подтверждения точности логического построения нашей индивидуальной и социальной жизни” [1, с. 7].

По мнению исследователей, преимущество онтопсихологической позиции в науке состоит в том, что “проникновение в образ позволяет онтопсихологии точно оперировать тончайшей психической причинностью, что

позволяет, предвосхищая любое следствие, уловить ее действенное присутствие “здесь и сейчас”, представленное символом” [1, с. 7].

Для А. Манегетти образ – это язык бессознательного. И хотя это тяжелый путь исследования, однако только на этом пути, считает исследователь, возможно получить целостную картину пациента – установить причину, динамику и цель возникшей проблемы (или патологии). Этот метод позволяет его автору проводить “последовательную аутентификацию личности, приводя ее к собственному природному соответствию”, этот метод в его руках – “инструмент психотерапевтической деятельности, на практических примерах демонстрируя действенность метода, его новизну и отличие от других, в том числе психоаналитических школ” [1, с. 7].

В своей онтопсихологической парадигме А. Манегетти исходит из того, что образ – это первопричина всего сущего. Эта позиция позволяет ему “восстановить единство знака и его содержания, символа и реальности, стоящей за ним. Однако, – как утверждает автор, – это не погружение в бездну хаоса или вознесение к метафизическому в обход реальности, а исключительное служение антропоцентристской функции, то есть человеку” [1, с. 7].

“Восстановление целостности индивидуального бытия и сознания, образа и его смыслового содержания – вот истинная научная и гуманистическая цель всей онтопсихологии”, – отмечают аналитики этой концепции. Более того, пишут ученые, научно-практический потенциал этой концепции настолько велик, что он “становится знанием, раскрывающим человечеству путь креативного развития, для осознания всей глубины которого потребуется, возможно, несколько столетий. Соприкосновение с мыслью этого великого ученого современности вселяет уверенность в духовные начала в собственной экономической, политической и социальной жизни” [1, с. 4].

Одним из концептуально-методологических преимуществ онтопсихологии является интерпретация и работа с символами. А. Манегетти считает, что если человек неспособен понять самого себя, то онтопсихология

способна ему помочь. Ее методология позволяет переопределить символ и постичь стоящее за ним значение и смысл. А. Манегетти утверждает, что “бессознательное вовсе не является скопищем извращений, ошибок и необузданных инстинктов, а представляет собой квант разума, решений и оперативности” [1, с. 8].

Основными работами А. Манегетти являются: “Образ и бессознательное”, “Образ как алфавит энергии”, “Клиническая онтопсихология”, “Учебник по онтопсихологии”, “Семантическое поле”, “Женщина третьего тысячелетия” и др.

Весьма своеобразно онтопсихология вскрывает гносеологические корни идеального образа. Прежде всего, А. Манегетти исходит из того, что образы “порождаются абсурдом” и уходить в анализ образа – это все равно что “путешествовать к критерию реальности”.

В отечественной психологии достаточно глубоко раскрыта “Я-концепция” личности, концепция “образа Я” [1–3]. В онтопсихологии свое отношение к “образу Я” личности А. Манегетти излагает в разделе “Имагогика” [1, с. 230].

Как клинический психолог, А. Манегетти фиксирует плохое отношение человека к своему “Я”. Автор говорит, что люди легкомысленно относятся к самим себе, к месту и времени своего существования. “Единственное, что нас так часто спасает, – пишет он, – врожденная система саморегуляции” [1, с. 230]. “Действительно, – продолжает он, – представляя собой непрерывное движение, неповторимое и меняющееся каждое мгновение, мы, тем не менее, следуем в своем развитии сознательным установкам, логическим привычкам, параметрам, догмам, рассчитывая при этом на прекрасное здоровье и радость жизни. Однако жизнь не приемлет застоя, это постоянное образующее и преобразующее себя движение, поэтому ваше рациональное “Я” со своим знанием абсурдно, поскольку штампует реальность с помощью фиксированных шаблонов” [1, с. 230].

Само “Я” А. Манегетти считает “центром базового саморегулирования всего человеческого существования”. Проникновение в этот центр, пишет ученый, позволяет многое понять. Но “путь в себя”, к сожалению, не легкий. Исходя из своего опыта, исследователь пишет, что даже при помощи различных психологических технологий попасть в “свое Я”, установить связь со своей основополагающей реальностью достаточно непросто. Эту сложность практикующий исследователь объясняет тем, что “внутреннее исследование означает нахождение той точки, от которой я воплощаюсь, то есть той базовой точки, от которой я создаю реальность и я “есть” реальность для самого себя и других. Моему “Я”, моим мыслям и решениям предшествует момент, который определяет меня как определенную модель: мужчину, женщину, данное место, данное событие. Этот момент определяет все другие аспекты” [1, с. 230].

При различных жизненных сложностях, препятствиях и проблемах, “возникающих за спиной нашего крошечного “Я”, нашего ничтожно малого единства, вполне естественно, что мы ищем ориентиры” [1, с. 230]. Однако все дело в том, предупреждает ученый, что когда “мы обращаемся за помощью вовне, то еще больше отдаляемся от своей точки опоры, неведомой нашему сознанию, но при этом являющейся той точкой, которая дарует существование, вызывая чувство гордости за свою жизнь и недовольство всем – предметами, личностями, выступающими против нас. Следовательно, бессознательное является не обиталищем извращений, заблуждений или диких инстинктов, а основой порядка, благодаря которому мы обретаем реальность. Эта точка, делающая нас реальными, также является квантом разума, решимости, оперативности. Однако, чтобы наслаждаться этим неиссякаемым источником, необходимо суметь его отыскать. Следует проявить максимум смирения, став в определенном смысле учеником этой опорной точки – более великой, чем любой учитель или философ” [1, с. 231]. В связи с этим вспоминается призыв великого Сократа “Познай самого себя”. Видимо, А. Манегетти, действительно, незаурядная личность. Свои психологические парадигмы он черпал из мировой классической философии, что обеспечило ему психотерапевтический эффект и

мировую известность в его клинической практике. Совершенно не случайно все великие представители самых разных видов знания называли философию вершиной человеческого мышления. Например, Н. В. Гоголь говорил, что “философское мышление – высшая способность человека”. А великий Гиппократ вообще заявил, что “врач-философ Богу подобен” и что “между мудростью и медициной нет большой разницы. Философия – это учение о мудрости”.

Гений А. Манегетти проявился в том, что он не прошел мимо философских идей – этой общечеловеческой копилки мудрости, соединил философию с медициной и апробировал этот синтез в своей клинической практике. Тем самым он подтвердил уже современный постулат о том, что “наука без философии слепа, а философия без науки пуста”.

Более того, выйдя на “Я-концепцию” личности, “образа Я” и занявшись изучением его функционирования, А. Манегетти увидел, что этот механизм работает в пространстве философского самопознания духа с такими его структурами и свойствами как: моральность, культура, искусство, религия, политика, право, экология и др.

Концепцию “образа Я” А. Манегетти вполне всесторонне объясняет с позиции имагогики. Имагогика в руках психолога-психотерапевта А. Манегетти превращается в доступ к нашей опорной точке. При этом для него эта “опорная точка” – информационное пространство, через которое проходят тысячи единиц информации, из которых мы улавливаем лишь одно сообщение. Так вот бессознательное для этого автора – это глобальное вместилище этих информационных потоков из окружающего нас мира. То есть, окружающая среда – это информационная среда. Даже одно-два уловленные нами сообщения “в большинстве случаев соответствуют предварительно заложенному в нас тематическому отбору... С детства нам задается определенная тема: улавливать данный тип лица, голоса, языка и т. д. Из десяти слов мы постигаем лишь то, на основе которого было создано раннее”, – пишет А. Манегетти. На этом основании, отмечает ученый, “имагогика позволяет нам войти в мир

целостности личности. Образы, открывающиеся человеку в процессе имагогики, представляют собой энергетические конфигурации, единицы реальности” [1, с. 232].

“В процессе имагогики бессознательное не может блефовать; если у меня возникает определенный образ, пусть даже кажущийся нашему сознанию глупым или фальшивым, он в любом случае реален, поскольку бессознательное, если не прикасается, то и не видит. Невозможно помыслить несуществующее: или нечто есть, или его абсолютно нет. Бессознательное движимое весомостью реальности. Вступая в общение и проявляясь в различных образах, семиотических отношениях, оно есть, а если оно есть, то и повествует. Оно не способно выдумать то, чего нет, поскольку не ведает надежды, предположений, идеологических измышлений, пустословия, культурной шизофрении.

При имагогике, как и в сновидении, образы возникают с помощью “стартеров”, точек реальности. Я сказал бы, что образ – это оболочка, покрывающая часть реальности, часть жизни. Несмотря на то, что в рациональном изложении образ предстает как нечто “мне кажущееся”, он остается таким же реальным, как удар кулаком в глаз, как ласка, как эмоция, вызывающая дрожь или экзальтацию”, – пишет А. Манегетти [1, с. 233].

Для А. Манегетти имагогика – это семантическое поле, это “чистая реальность, это излучения, модуляции с интенсивностью различной чистоты” [1, с. 232].

Более подробно у А. Манегетти это выглядит в следующем виде: “Образ, возникающий при имагогике, во сне или при других произвольных ассоциациях, является конфигурацией динамической векторной направленности. Каждому образу соответствует способ или направление движения энергии. Образ указывает точное направление. Точно также, наблюдая за человеком, совершающим какое-либо действие, можно по первым его движениям предугадать последующие.

В образе мы видим энергетические направления бессознательного, то есть, нашей жизни: они могут проявляться как в виде роста, позитивности, спонтанности, так и в форме защиты, если “Я” оказывается захваченным негативной психологией или бессознательно сигнализирует о наличии монитора отклонения. В этом случае образ показывает, “как” бессознательное боится этого, “как” оно искажается, “как” предупреждает об этом.

Модели оперативного познания онтопсихологии можно свести к способности открыто вводить человека в существующий мир. Когда человек знает все в своем доме, он может самостоятельно навести в нем порядок. Беспорядок всегда обусловлен действиями или присутствием чего-то остающегося непознанным” [1, с. 234].

“Основной целью имагогики, – отмечает А. Манегетти, – является исследование мира подкодов, предшествующих любому лингвистическому аппарату. Необходимо приблизиться к бессознательному, к тому измерению, которое, не являясь словом, тем не менее, обуславливает его необходимость. Это своего рода погружение в фантазию, в мир галлюцинаций и сновидений, на первичные уровни психосинтетического формообразования, проникновение в эйдетический и физический мир субъективного человеческого видения. То есть имагогика, по сути, есть приближение к ин-се экзистенциальной реальности, осуществляющей человека”. И далее: “Несмотря на то, что онтопсихологическую имагогику можно поставить в один ряд с последними психотерапевтическими достижениями (аутогенной тренировкой или аутотренингом, контролируемым видением образов, контролируемым сном наяву, символической визуализацией, онейродрамой, психокатарсисом, психосинтезом, активным воображением, ментальными образами, кататимической визуализацией, онейротерапией и т. п.), ее отличают совершенно новые установки. Сначала я познал имагогику на личном и клиническом опыте, затем стал преподавать ее, используя критерии онтопсихологического толкования сновидений и, лишь задумав описать этот

метод, основательно ознакомился с подобными исследованиями других ученых”, – отмечает А. Манегетти [1, с. 234].

“Существование феноменологично и опосредует свои силовые точки, или динамические моменты, через образы. Реальность образа представляет собой не только фигуральный конденсат происходящего, например, передаваемого вам через мое присутствие, но также и то, что скрыто в мире шизофрении, галлюцинаций, фантазий, ребяческих мечтаний, сновидений, творческих способностей, парапсихологических и патологических проявлений, предсказаний, экстаза, религиозных видений, вдохновения, чистой ассоциации.

Онтопсихологическое исследование образа приближает нас к тому месту – моменту, в котором все предметы еще представлены в зримой динамике, где формы предшествуют будущей внешней действительности. Если мы сумеем, оставив всякую феноменологию, проникнуть вглубь этой реальности, то научимся также “зреть бытие в становлении”, то есть станем видением там, где мы есть, – онтовидением. Возможность узреть то место, в котором наш априорный смысл соприкасается со всем земным, мирским целиком, вовсе не является особой, сверхъестественной привилегией: к опосредствованию реального без “пробелов” стремится любой нормальный человек. Таким образом, речь идет о постижении психической реальности, которой подчинены все прочие известные психобиологические способности”, – заключает А. Манегетти [1, с. 236].

Разработав концепцию онтопсихологии, А. Манегетти уточняет ее смысл и отличие от подобных культурных концепций во избежание терминологической путаницы. Например, в своей книге “Семантическое поле” он отделяет свое понимание знака от взгляда Триера на этот вопрос. В частности, А. Манегетти пишет: “Для меня семантическое поле является направленной информацией от бессознательного к сознательному, тогда как Триер понимал под ним промежуточную область между отдельным словом и всем лексическим богатством некоего детерминированного-синхронного состояния” [1, с. 236].

Сравнивая свои наблюдения, представления и результаты исследований с позицией Ф. де Соссюра, А. Манегетти отмечает, что “согласно Ф. де Соссюру, поле имагогики затрагивает, скорее, изучение отношений между знаками и значениями, отношения между знаками и предметами (философская семантика) или, другими словами, пытается проследить индивидуальную актуализацию говорящего из фиксированной до некоторой степени системы символов, используемых говорящими (разделение Соссюром слов и языка)” [1, с. 236].

Что касается работ Витгенштейна, то А. Манегетти отмечает, что этого автора интересует в лингвистике психологический или психоаналитический аспект, то есть способность увидеть за символом интенцию психоиндивидуального Гештальта. Он не ограничивается установлением типа отношения, связующего мысли и фразы, его волнует также вопрос о том, какая связь существует между одним фактом – предложением и другим, поскольку первый обладает способностью быть символом второго. Это все вопросы логики [1, с. 236].

Что касается семантики Морриса, то по мнению А. Манегетти “Морриса семантика интересует лишь постольку, поскольку она исследует значение знаков в обозначающей деятельности всех типов” [1, с. 236].

Более всего, считает А. Манегетти, ему близок Шпербер тем, что “в своем поиске источника динамизма он задумывается о функции эмоциональной силы, которая стремилась бы притягивать или расширять другие лингвистические сферы для вложения эмоциональной сверхнагрузки, непосредственной разрядке которой препятствует внутренняя цензура. Это довольно близко идеям психоанализа. Еще более близок к этому С. Улман, который разрабатывал концепцию общей семантики с точки зрения синестезии”, то есть как панхроническую структуру (в отличие от описательной синхронической и историко-диахронической), которая указывает на фундаментальную способность к вездесущности и межчувственному переносу обозначения” [1, с. 237].

“Это не должно удивлять так как уже предложенная Бором модель атома остается индетерминистической. Из-за этой особенности мы не можем предсказать поведение атома: когда оторвется электрон и оторвется ли он вообще. Тот же индетерминизм царит в рассуждениях таких физиков как Бругли, Гейзенберг, Шредингер, Дирак. Учитывая сложность и неясность организмического чувства, которому я обращаюсь в первую очередь, оно навсегда сохранит свой индетерминистический характер при любой попытке его логического определения”, – утвердительно рассуждает об этой аналогии А. Манегетти.

“В таком случае мы не в состоянии предугадать ни того, какие лингвистические формы будет использовать сообщающий или говорящий в своей речи, ни того, будет ли он вообще говорить или нет, – продолжает свою мысль А. Манегетти. – Итак, можно сделать вывод, что для точного и простого понимания значения, которым наделяет обозначающее, необходим инструмент способный резонировать с любым моментом совершающегося процесса. Таким инструментом может стать лишь человек, владеющей онтопсихологической методологией. Следовательно, это вопрос исключительно предрасположенности; практическая пригодность никоим образом не определяется самой программной техникой, а может выясниться лишь в дальнейшем.

“Несколько лет тому назад был опубликован прекрасный труд Р. Вирта о системном исследовании смысла символизма с точки зрения истории, психологии, лингвистики и религии, – пишет А. Манегетти. – Я согласен с этим автором в том, что любая форма символизма всегда представляет собой понимание мира, особенно мира человеческого взаимодействия” [1, с. 238]. Автор пишет: “Символические представления заслуживают уважения как структура для организации опыта, как способ понимания окружающего нас мира, особенно мира человеческих отношений... Несмотря на метафорический язык отдельных комментаторов, не думаю, что можно дать точное определение символов “истцов”, то есть исполнителей права; по-моему, люди придумывают

их, усваивают в процессе обучения, приспособливают их для использования в личных целях. Вполне вероятно, существует значительное расхождение между результатами символического действия и действия эмпирического или прагматического” [1, с. 238]. Например, “руки являются символом дела; нередко, прежде чем начать разговор с пациентом, я смотрю на его ладони. Вначале слово было делом, а когда люди утратили сознание дела, им осталось только болтать.

Все лингвистические термины, заменяющие значения, можно свести к двум: символ и знак. Огден и Ричарде определили три термина:

знак – стимул, подобный отчасти изначальному стимулу и достаточный, чтобы вызвать остаточную возбудимость, сформированную этим стимулом;

символ – те знаки, которыми пользуются люди при взаимном общении;

остаточная возбудимость – след, оставленный приспособлением к стимулу, осуществленному организмом.

“Знак” относится к классу, “символ” – к виду данного класса, а “остаточная возбудимость” равнозначна следу в памяти” [1, с. 239].

Значимость символов и знаков зависит от их способности активизировать след памяти и от той степени влияния, которое данный след в памяти оказывает на психоорганическое, – считает автор. По его мнению, “символ и знаки программируются обществом и отдельным индивидом. Некоторые из них природные (дым, огонь), другие – аналоговые (слово для жеста), третий – произвольные или условные (семафоры, флаги). Все они формируются и становятся действенными в индивиде благодаря длительной привычке. Вообще в семантике (символы, образы, знаки) значение имеет не столько сам факт, сколько его “как”. Словари, школы, энциклопедии, история представляет собой ничто иное, как научение символам и их толкование. Без символов невозможны ни общество, ни культура: они поистине незаменимы для заполнения многочисленных “пробелов”, зияющих в человеческой речи. То есть устанавливается единичный факт, который используется как аналог или заменитель для множества еще не определенных событий. Символ всегда

возникает как функция некоего жизненного факта, еще не имеющего точного определения, что, впрочем, не отменяет существования абсолютных символов, необходимых социальным категориям для шантажа факта-жизни многих людей” [1, с. 239].

Таким образом, анализируя онтопсихологическую концепцию итальянского профессора Антонио Манегетти, изучив его работы и его критический анализ аналогичных направлений в психологии, мы пришли к ряду заключений.

Во-первых, онтопсихологическая парадигма познания психического, особенно его причин – это огромный вклад в современную философию, культурологию, социологию и психологию, изучающие сознание человека и его поведение в обществе.

Во-вторых, заслуживает положительной оценки концепция “образа Я”, позволяющая глубоко проникнуть в “механизм сотворения личности”, что позволяет автору предугадать ее возможности в социуме.

В-третьих, большой вклад профессор А. Манегетти внес, разработав концепцию символизма, доказав, что “все человеческое поведение синхронизировано с вариациями символов”.

В-четвертых, актуальность данной проблематики не вызывает сомнения и требует своей дальнейшей разработки и исследований.

Список использованной литературы

1. Манегетти, А. Образ и бессознательное : учебное пособие по интерпретации образов и сновидений / А. Манегетти. – М. : ННБФ “Онтопсихология”, 2000. – 340 с.
2. Смирнов, С. Д. Психология образа: Проблема активности психического отражения / С. Д. Смирнов. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1985. – 265 с.
3. Сощенко, И. Г. Образ человека в социокультурном пространстве информационного общества : автореф. дисс. на соискание научн. степени канд. филос. наук / И. Г. Сощенко. – М. : Ставрополь, 2007. – 186 с.